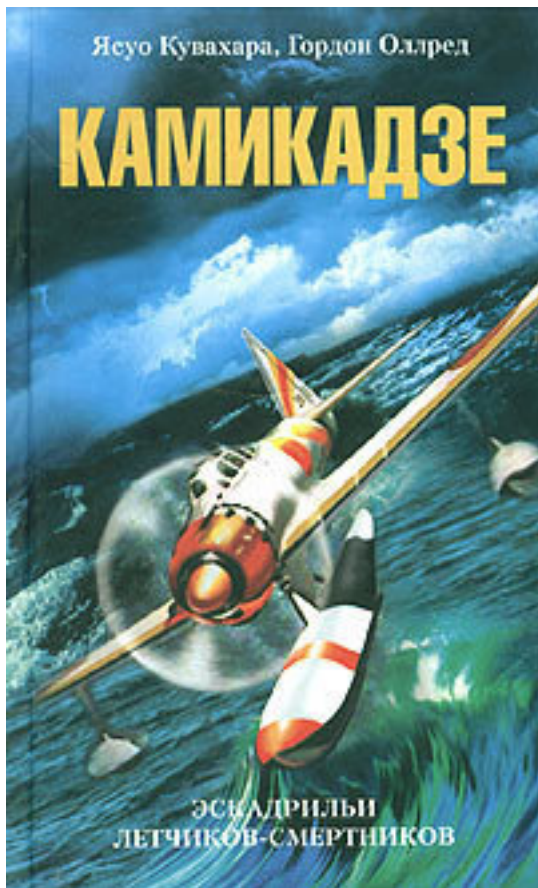

Ясuo Кувахара, Гордон Олред

КАМИКАДЗЕ

ЭСКАДРИЛЬИ
ЛЕТЧИКОВ-СМЕРТНИКОВ

**Гордон Т. Олред
Ясуо Кувахара
Камикадзе. Эскадрильи
летчиков-смертников**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609645

Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников: Центрполиграф;

Москва; 2004

ISBN 5-9524-1469-9

Аннотация

Эта повесть, написанная живым и образным языком, — история жизни молодого японского летчика Ясуо Кувахары. Пройдя в пятнадцать лет обучение в летной школе, где готовили камикадзе, он стал лучшим в своем подразделении. С 1944-го по 1945-й Кувахара служил в эскадрилье смертников, созданной для уничтожения кораблей военно-морских сил США, и стал свидетелем того, как его товарищи один за другим отправлялись на верную гибель. Только благодаря случайности Кувахара остался в живых.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	9
Пролог	9
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кувахара Я., Оллед Г. Т Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников

Будущей дружбе Японии и Америки посвящается

Предисловие

Ему было всего двадцать шесть, когда летом 1955 года мы встретились с ним в его доме в Кобэ. Приятный, сдержанный – что, впрочем, типично для японца, – любезный молодой человек. Если бы не неопределимая глубина его глаз, я решил бы, что он еще моложе. Только глаза – глаза, которые видели поистине фантастические вещи, делали парня старше.

С этого момента в течение десяти месяцев вплоть до самого моего отъезда из Японии я часто встречался с Ясуо Кувахарой и стал относиться к нему, как к своему другу и человеку чести. Какими бы трагичными и жестокими ни были пережитые им события, он, казалось, испытывал удовлетворение от того, что участвовал в них. Ясуо не стремился к славе. Напротив, был далек даже от мыслей о ней. Просто этот человек обладал опытом, о котором необходимо рассказать, – опытом, который мог бы улучшить взаимопонимание

между людьми и нациями.

Конечно, камикадзе (божественный ветер) – самый необычный вид воинов, их было более пяти тысяч человек, которых родина превратила в живые бомбы. Японские летчики-смертники причинили самый большой урон американскому военно-морскому флоту за всю его историю.

Никто никогда не поймет чувства этих людей, заключивших сделку со смертью. Даже приговоренному к смерти преступнику не понять их до конца. Правосудие определяет преступнику меру наказания, он искупает свое злодеяние. Конечно, в каждом народе есть герои, готовые пожертвовать своей жизнью. Но где и когда встречалось такое обдуманное самоуничтожение? В какой еще стране тысячи людей столь неумолимо готовились к собственной гибели, просчитывая все детали в течение недель, иногда месяцев?

Ни идея синтоизма с ее загробной жизнью в качестве воина, охраняющего духовный мир, ни буддийская философия нирваны не предусматривали вечного утешения. Очень часто «сумасшедший японец-фанатик» представлялся нам как хнычущий школьник, запутавшийся в паутине судьбы.

Каково же оно, существование из недели в неделю, месяц за месяцем, когда жизнь раскачивается в соответствии с каждым движением минутной стрелки, когда не знаешь, в какой момент поступит приказ умереть?

Остались ли люди, выполнявшие одну из этих трагических миссий, которые могли бы рассказать о своем про-

шлом? Вдруг все-таки шанс есть... Да, где-то должны были жить хотя бы несколько человек, бросавших в свое время вызов смерти и неизвестности.

Именно такие размышления и заставили меня разыскать мистера Кувахару, жителя японского города Кобэ на острове Хонсю. День за днем он подробно описывал то, что ему пришлось пережить во время Второй мировой войны, и каждая наша встреча все сильнее потрясала меня, внушала безмерное уважение к рассказчику. Происшедшее с ним в течение восемнадцати месяцев пребывания в имперских ВВС казалось просто ошеломляющим. Эта жизнь, каждый ее день, я должен признать, выглядела для меня совершенно невероятной.

Трудно представить, что Ясуо Кувахара в пятнадцать лет прошел всю программу подготовки, которая была столь ужасной, что девять его товарищей покончили с собой. Еще труднее поверить, что такая программа вообще могла существовать. И кто мог бы себе представить, что этот человек, уцелевший под бомбами, в воздушных боях, в атаках, получив приказ пожертвовать собой, останется жив только лишь по ужасающему стечению обстоятельств?

Жизнь всех оставшихся камикадзе удивительна, но жизнь Кувахары уникальна.

Воспоминания летчика впервые были опубликованы в сокращенном виде как документальный очерк в издании «Кэ-велир» в 1957 году. После этого я получил массу писем от

читателей, которые писали, что «изложенные в очерке события кажутся слишком невероятными, чтобы в них можно было поверить». Действительно, обычному человеку трудно понять, как столько событий могло произойти всего лишь за восемнадцать месяцев.

Должен сказать, что главной проблемой в написании как статьи, так и этой книги было сокращение текста. Прежде всего это касалось правильного отбора из огромной массы материала с тем, чтобы, с одной стороны, как можно достовернее изложить драматические события, а с другой – не вызывать у читателей отвращения.

Что же касается правдивости истории, то у меня и у мистера Кувахары есть документы, подтверждающие отдельные эпизоды. Существуют и свидетели: пилот-камикадзе Сэйхи Хирои из Осаки, лично знавший главного героя, и бывший командир 4-й эскадрильи, располагавшейся на авиабазе Хиро, Есиро Цубаки, который отдавал летчику Кувахаре последний приказ. Издатели «Кэвелир» и «Баллантайн букс» ознакомились с этими документами.

Однако эта книга не является просто собранными фактическими данными. В ней представлено документальное свидетельство, попытка передать мысли и переживания мальчика, который в пятнадцать лет был брошен в водоворот самой чудовищной в истории человечества резни. Эта повесть может быть интересна еще и тем, что отражает позиции спутников главного героя и взгляды японцев на войну в целом.

Надеюсь, книга вызовет у читателей сочувствие. Человек, обладающий столь высоким понятием мужества и чести, заслуживает того, чтобы быть оцененным по достоинству.

Где-то в Тихом океане покоится прах нескольких тысяч пилотов-камикадзе и американцев, которых они забрали с собой... История их гибели, как это ни парадоксально, может сослужить добрую службу для людей во всем мире.

Гордон Т. Олфред

Часть первая

Пролог

На авиабазе Хиро на западе острова Хонсю наступает Новый год. 1945 год. Капитан Есиро Цубаки только что собрал особое совещание. Среди нас царит тишина. Только дождь барабанит по крыше. Капитан разрешает нам сесть, а сам остается стоять, сложив руки на груди. Его немигающие темные глаза, кажется, пронзают нас одного за другим.

После долгого молчания он высокопарно произносит:

– Время, наконец, настало. Мы стоим перед великим решением.

Капитан снова берет паузу, но я уже чувствую, что меня охватывает страх – огромный, как никогда. Смерть среди нас. Она обволакивает каждого человека, медленно двигается и становится все сильнее. И слова, срывающиеся с губ нашего капитана, звучат так странно:

– Того, кто не хочет жертвовать своей жизнью, как подобает преданному сыну Японской империи, никто не будет к этому принуждать. Тот, кто не способен принять такую честь, пусть поднимет руку. Прямо сейчас!

Снова тишина и смерть становятся почти осязаемыми. Даже барабанивший дождь стихает и становится морося-

щим. Медленно, робко вверх поднимается рука, затем вторая и еще одна... Пять, шесть. Всего. Решение за мной. Я могу выбрать: жить или умереть. Разве не это только что сказал капитан? Но почему-то... Конечно... Да, конечно же я хочу жить! Только вот мои руки – дрожащие, они по-прежнему опущены. Я хочу поднять руку и не могу. Но я хочу! Даже моя душа жаждет этого. Я трус? Я? Я не могу этого сделать!

– Итак! – Капитан Цубаки пристально смотрит на тех, кто поддался слабости. – Хорошо точно знать, какова ситуация.

Поднявшие руки стоят перед нами.

– Вот, господа, шесть человек, – указывает капитан на посеревшие лица, – открыто признавшие в измене. Так как они совершенно лишены чести и силы духа, наша обязанность исправить положение. Эти люди станут первой атакующей группой нашей эскадрильи!

Вздых, так долго державшийся внутри меня, пытается вырваться наружу. Я хочу набрать в легкие побольше воздуха и с облегчением выдохнуть, но что-то сжимается во мне. Шестерых ребят из моей эскадрильи только что приговорили к смерти. Это первые живые бомбы с авиабазы Хиро.

Глава 1

Национальный чемпион по планерному спорту

Совершенно невозможно сказать, каково происхождение силы японских самоубийц в войне, которую они вели. Самой странной силы в мире, зародившейся в этой стране. Спросите у почтенного старика с развевающейся бородой, который все еще ходит по улицам в кимоно и деревянных сандалиях, поскольку он человек из прошлого. Возможно, он скажет, что таинственные силы были рождены вместе с этой страной две с половиной тысячи лет назад, с первым императором Дзимму, потомком богини солнца Аматаэрасу. А может поведасть, что их настоящее рождение произошло двадцатью веками позже, отраженное в гордом духе самураев, славных и доблестных воинов времен феодализма.

Впрочем, каким бы ни было происхождение этих сил, они сосредоточились на мне в 1943 году. Тогда мне было всего пятнадцать лет. И случилось это после того, как я выиграл национальный чемпионат по планерному спорту.

Среди своих смутных воспоминаний я могу разглядеть маленького мальчика, каждый день с завистью наблюдающего за ястребами, которые кружат над бархатными горами Хонсю. Помню, что он завидовал даже воробьям, с громким

чириканием порхавшим с крыши на крышу.

Почему-то я был уверен, что мое будущее будет связано с небом. В четырнадцать лет я ходил в среднюю школу в Ономичи и был уже достаточно взрослым, чтобы посещать тренировки по планерному спорту, которые оплачивала префектура Осаки. В этих тренировках для меня было два положительных момента. Во-первых, такого шанса я ждал всю свою жизнь – шанса подняться в воздух. Во-вторых, по всему миру гремела война, и в то время, как многим ученикам приходилось проводить часть отведенного урокам времени на фабриках, мне было позволено учиться летать на планере по два часа в день. В то время все учащиеся либо работали на военном производстве, либо готовили себя для защиты родины, занимаясь дзюдо, искусством владения мечом и стрельбой. Даже младших школьников обучали защищаться заостренными бамбуковыми копьями.

Наши тренировки проходили на травяном поле и первые три месяца были совершенно неинтересными, потому что мы ни разу так и не оторвались от земли. Ребята учились просто буксировать друг друга. Одни будущие летчики таскали планеры на веревках, другие тем временем сидели в кабинах, ожесточенно манипулируя закрылками на хвосте и крыльях с помощью ручного и ножного управления, делая вид, будто они взмыли на головокружительную высоту. Добрая часть нашего времени посвящалась ритмической гимнастике, но даже тогда было очевидно, что эту подготовку рас-

считали так, чтобы потом нам стало интереснее. Я же не мог этого понять почти целый год.

Наконец мы начали подниматься в воздух. Сначала всего на несколько футов над землей, но как это было радостно! Постепенно и довольно быстро мы добрались до шестидесяти футов – до максимальной высоты полета планеров для начинающих. В лучшем случае какие-то тридцать секунд в воздухе, но все же это был полет.

Освоив основы управления планером для начинающих, мы перешли к аппаратам следующей ступени. Они уже могли парить в воздухе на высоте в течение нескольких минут, и буксировал их перед взлетом автомобиль. Эти планеры имели полузакрытую кабину, нечто вроде штурвала и руль в форме бабочки для дополнительного управления.

Помимо понимания основных требований механики при полетах на планере пилот должен был чувствовать потоки воздуха, автоматически оценивать их направления и интенсивность и реагировать на них рефлекторно, как ястреб над горами.

Как далеко я мог пролететь по ветру? Часто я определял это, только высунув голову из кабины. Во время снижения – перед самым разворотом, чтобы забраться на восходящие потоки, – стремительное воздушное течение было столь мощным, что сбивало дыхание. А еще могучий удар воздуха происходил перед самым взлетом, и тогда я изо всех сил вцеплялся в штурвал управления.

Как далеко лететь в одном направлении до разворота, насколько поднять закрылки, чтобы избежать потери скорости и оставаться при этом на максимальной высоте. Подобные вещи не были внесены заранее в полетную карту. Однако у меня был инстинкт птицы, и я смог пилотировать свой планер настолько успешно, что прошел отбор на национальные соревнования следующего года.

Примерно шестьсот планеристов со всех концов Японии (в основном ученики средних школ) попали на турнир у горы Икома неподалеку от Нары, и потому состязание разделили на два вида: групповые и индивидуальные. Соперники могли участвовать в обеих программах. Судьи оценивали такие показатели, как время, проведенное в воздухе, расстояние, преодоленное на определенной высоте, способность разворачиваться в пределах установленного количества футов и угол снижения.

Может быть, благодаря нашим интенсивным тренировкам, а может, так распорядилась судьба, но шесть учеников школы Ономити, что на западе острова Хонсю, выиграли групповые соревнования. И двое из наших были выбраны для индивидуальных выступлений против пятидесяти остальных участников, лучших планеристов страны. Одним из них оказался я.

Каждый должен был совершить по четыре полета. Очки, заработанные после каждой попытки, суммировались, и по общим результатам определялся победитель. К огромной

моей радости, после трех первых полетов судьи выставили мне почти максимальные оценки. Победа забрезжила на горизонте!

Солнце согрело вершину горы Икома, когда на огромном поле, расположенном пятьюдесятью ярдами ниже, начался последний этап чемпионата. Я замер в кабине планера, чувствуя, как дрожит хрупкая конструкция летательного аппарата. Она состояла из изогнутой фанеры, покрытой шелком и скрепленной легкими алюминиевыми деталями. Один конец буксировочного троса был прикреплен к машине, другой к кольцу под носом планера. Расслабив руки на штурвале и вновь крепко вцепившись в него, я глубоко вздохнул. «Ты должен сделать это». Я повторял эти слова и старался отогнать противное чувство – слабость. Затем я начал постепенно собираться. Это было важнейшее испытание в моей жизни – завоевать звание лучшего пилота планера в Японской империи.

Мой летательный аппарат накренился и заскользил по траве. Через несколько секунд я уже парил над Икомой, чувствуя сильные порывы ветра у ее вершины. Поднявшись на высоту, я очень осторожно работал закрылками, управляя планером, чтобы не потерять поток воздуха под средней частью крыльев.

Аппарат стал подчиняться каждому моему движению, словно был живым существом, и я взмыл вверх при порыве ветра. В какое-то мгновение я оглянулся через плечо, увидел

полоску земли, задранные вверх лица и начал разворот. Мой планер сделал три круга, поднимаясь вверх, а затем резко снижаясь. Через тридцать восемь минут после взлета я приземлился.

Судьи долго подсчитывали очки, и я с волнением ждал, когда они огласят результаты. Я знал, что справился с задачей, и у меня был шанс победить. Но все равно это казалось нереальным. Вдруг назвали мое имя.

– Кувахара Ясуо – триста сорок очков. Первое место в индивидуальном зачете!

Я почти не расслышал, кто стал вторым. Я почувствовал слабость и дрожь, потом вдруг эти ощущения пропали. Друзья хлопали меня по плечам, обнимали. Родители прорвались ко мне сквозь толпу. Я стал чемпионом Японской империи по планерному спорту.

Тогда я еще не знал, что эта победа вскоре изменит всю мою жизнь.

Глава 2

Предопределенное решение

На железнодорожной станции Ономити была большая суматоха. Меня встречали учителя, одноклассники, близкие друзья – все пришли поздравить нового чемпиона. Родители устроили в честь моей победы настоящий праздник. Однако через несколько дней мое достижение было забыто.

Тренировочные полеты на планере продолжались, но впервые за много месяцев я не заглядывал в будущее. Когда радость победы угасла, меня стало одолевать беспокойство. Жизнь вдруг потускнела.

Вечерами после тренировок я брал с друзьями домой, любясь закатом, когда солнце опускалось за горы. Сияющий шар окрашивал море, делая его похожим на расплавленную сталь. Вечер был временем особым – временем, когда надо было принять горячую ванну, надеть юката,¹ опустить раму окна и задумчиво смотреть вдаль или сидеть где-нибудь в саду и разглядывать филигранные очертания тутового дерева на фоне темнеющего неба, медленно потягивая из чашки горячий чай.

Однако с начала 1943 года такие вечера случались все реже и реже. Американцы захватили остров Гуадалканал, и у

¹ Юката – легкое просторное кимоно.

людей начали появляться первые смутные тени сомнений. Не то чтобы об этом много говорили... но страх вползал, как стелющийся туман, и солнце уже не могло рассеять его.

Мы, совсем еще мальчишки, говорили о войне с большим энтузиазмом, чем кто бы то ни было. У моего приятеля Тацуно брат служил в морской авиации. Он сбил американский самолет, и это событие на много дней стало главной темой наших обсуждений по дороге домой из школы.

Мы были еще маленькими и слабыми, но в Тацуно чувствовалась какая-то сила, когда он смотрел в небо и рассказывал про своего брата. Если в вышине пролетали самолеты, он качал головой и торжественно говорил:

– Я знаю, он станет асом и принесет славу императору.

Конечно, я всегда соглашался. Было приятно осознавать, что наши пилоты превосходили врага в мастерстве, смелости и летали на лучших машинах. Во всяком случае, в этом каждый день уверяли нас газеты и радио. Однажды вечером, когда я вернулся из школы, к нам домой пришел незнакомец. Я услышал, как он представился:

– Капитан Миками Хироёоси. Имперские военно-воздушные силы.

Через мгновение офицер разулся и переступил порог.

Мой отец был подрядчиком и одним из самых состоятельных людей Ономити.

Служанка Рэйко провела его в гостиную, обставленную в западном стиле, и побежала за моим отцом.

Ему не хотелось вылезать из теплой ванны, и он направил к гостю маму. Потом, правда, отцу все равно пришлось выполнить все формальности знакомства. Мама тем временем пошла проверить, как служанка готовила наше главное блюдо дня.

Я с волнением ждал развития событий, поскольку понимал, что этот визит был преддверием чего-то очень важного, и внимательно вслушивался, пока отец с капитаном обменивались в гостиной обычными в таких случаях любезностями, обсуждая какие-то пустяки и осторожно упоминая в беседе разные слухи.

– Зима на пороге, – заметил капитан.

– Да, действительно, – ответил отец, изящно пригубив чай.

Пока они в такой манере беседовали ни о чем, пришло время подавать главное блюдо. Мама уже собиралась подавать ужин, поэтому все восприняли как само собой разумеющееся то, что капитан Миками останется.

Когда мы сидели на подушках вокруг низенького круглого стола, служанка бегала между гостиной и кухней, накрывая на стол, а моя сестра Томика следила за огнем в хибати-жаровне. Мама, приготовив и посыпав сахаром кусочки говядины, спросила:

– А где соевый соус?

Служанка с жалобными извинениями бросилась на кухню.

Время от времени я украдкой внимательно следил за капитаном Миками, всякий раз опуская глаза, когда его взгляд встречался с моим. Это был пронзительный, твердый взгляд!

Во время ужина говорили только два человека, а мы обозначали свое присутствие лишь осторожными улыбками и легкими поклонами, когда беседа касалась нас. Я испытывал сильное напряжение и видел, какими встревоженными были мама и Томика.

Папа и капитан вяло разговаривали о войне, касаясь обстановки на Иводзиме, Окинаве и других островах. Когда речь зашла о Гуадалканале, отец повторил мысль, которая крепко засела в то время в голове у японцев: отступление наших войск из этого района было просто стратегическим маневром и никоим образом не означало победу неприятеля. Капитан Миками согласился и стал обстоятельно обсуждать мужество наших солдат. Когда разговор коснулся бомбардировок родной Японии, он выразил еще одно общее мнение: наши военные всегда знали, что нас будут бомбить, и, следовательно, тут не из-за чего беспокоиться. Это было предусмотрено, когда готовилась операция в Пёрл-Харборе. Да, бомбежки неизбежны, но мы готовы к ним. Фактически мы готовы к любым трудностям, в глубине души осознавая, что наша священная империя в конце концов все равно победит.

После обеда меня попросили остаться с мужчинами в гостиной, и, наконец, наш любезный гость перестал ходить вокруг да около и приступил к делу.

Бросив на меня ястребиный взгляд, офицер повернулся к отцу и сказал:

– У вас достойный сын. Он добился редкой для своего возраста славы. Да и не только для своего возраста. Он уже становится мужчиной, которым уважаемый отец может гордиться.

Отец слегка поднял голову, пососал свою трубку, выпустил изо рта дым и пробормотал в ответ благодарность:

– Домо аригато.²

– Им может гордиться страна, – продолжал капитан. – Ваш сын может принести великую славу семье Кувахара.

Внутри у меня все задрожало. Такое же чувство я испытывал перед своим чемпионским полетом.

Тем временем капитан снова быстро заговорил:

– Наш великодушный император, наши почтенные военачальники из имперского управления в Токио, как вы знаете, ищут таких молодых людей, преданных его императорскому величеству, талантливых, любящих свою страну... людей, которые полетят на врага, как мстительные орлы.

Глаза моего отца заблестели.

– Это правда! Хорошо, что у нас есть такие люди. Пришло время ударить по врагу со всей силой. Как ветер с небес!

– Как вы, наверное, поняли, – продолжил капитан, – я представитель имперских военно-воздушных сил, присланный сюда поговорить о вашем сыне.

² Большое спасибо. (Примеч. пер.)

Вспыхнув и осторожно изобразив удивление, папа воскликнул:

— Ах, вот как?

Капитан Миками действительно говорил обо мне совсем немного. Потом я едва слышал его слова о славе военно-воздушных сил и наборе добровольцев. Я сидел улыбаясь и чувствуя, как меня бросает то в жар, то в холод. В тот момент у меня не было никаких соображений по поводу предложения капитана. Всю свою жизнь я мечтал поступить на службу в воздушные войска. Сколько часов, дней и ночей представлял я себя отважным летчиком истребителем, асом! Как часто видел себя пикирующим с золотистого неба на врага. Сколько воображаемых героических боев провели мы с Тацуно!

Но сейчас это становилось реальностью, причем так внезапно, что мозг мой не мог успокоить сердце. Во время всего ужина я ощущал волнение мамы и Томики, и сейчас холод их дурного предчувствия коснулся меня, как ледяной ветер.

Капитан обратился ко мне:

— Что скажешь ты?

Вот и все, что он спросил. Я начал отвечать, но запнулся и больше не мог выдать из себя ни слова.

— Подумай несколько минут, — разрешил офицер. — Я подожду.

Несколько минут! Мне вдруг стало дурно. Я провел ладонью по лицу, волосам и почувствовал, что они стали влажными от пота. Комната начала кружиться перед моими гла-

зами. Слабо улыбнувшись, я пробормотал:

– Простите, пожалуйста. Я пойду попить.

Я хотел сказать, что мне не нужно было думать. Ни один настоящий мужчина в таких случаях не сомневался бы. Ни один настоящий мужчина не почувствовал бы тревоги и холода в сердце или душе. По традиции бусидо³ он заговорил бы о почетной смерти: «Я иду умирать за свою страну. Император выбрал меня – это наполняет мое сердце смирением». Но я... я был тогда больше мальчиком, чем мужчиной. Мне захотелось увидеть маму.

Я быстро помчался в ее комнату. Там никого не оказалось. Я тихо позвал. Никакого ответа. Решив, что, возможно, мама сидела на свежем воздухе в саду, я выскользнул в ночь и снова позвал. Луна отбрасывала на деревья призрачный, сияющий свет. За оградой нашего дома шла темная дорога, освещенная лишь случайными красными огоньками. Ни звука вокруг.

В окне второго этажа горел свет. Я бросился обратно в дом и побежал по крутой лестнице. Там в моей комнате сидела Томика и рассматривала мои фотографии в альбоме.

– Где мама? – спросил я.

Томика ответила не сразу.

– Она пошла... прогуляться.

Я осторожно взглянул на сестру и тут же забыл обо всех проблемах.

³ Бусидо – кодекс чести самурая. (Примеч. пер.)

– В чем дело, Томика? – Я нежно коснулся ее блестящих черных волос. – Что там такое?

В альбоме была моя фотография, снятая в тот день, когда я выиграл чемпионат среди планеристов, – мое расплывшееся в гордой улыбке лицо. Крошечная слезинка упала и затуманила эту улыбку. Томика плакала.

Когда моя сестренка плакала, ее лицо становилось каким-то неземным.

– Томика, – почти прошептал я. – Что случилось? Ты не должна плакать!

Отложив альбом в сторону, я сел рядом с ней. Томика сжала мои руки и посмотрела мне в глаза. Это мгновение длилось очень долго. Мы сидели неподвижно и смотрели друг на друга, пока Томика не начала покачивать головой.

– Мой маленький брат... мой маленький братик...

У меня ком застрял в горле. Было такое ощущение, будто кто-то сильно нажал мне пальцем на кадык.

– Томика, – еле выговорил я, – что... что я могу сделать?

Я вдруг хлопнул себя ладонями по лицу и глубоко вздохнул. Так можно было отогнать подступавшие к глазам слезы. Сестра обняла меня и прижалась ко мне щекой.

– Нет, нет, – прошептала она, – ты не просто маленький братик. Ты еще ребенок!

Последние слова сильно ударили по моему самолюбию, и я вспомнил своих друзей, особенно Тацуно. Что бы он сейчас обо мне подумал, увидев такую слезливую сцену? А еще

я подумал о капитане, который с нетерпением ждал меня внизу, удивляясь, почему я так медлю. Может, он уже начал считать меня трусом? Эти мысли нахлынули на меня в одно мгновение. Я рассердился на себя и на сестру.

— Я уже не ребенок, Томика.

Она попыталась крепче прижать меня к себе, но я отпрянул от нее. Ребенок! На какую-то секунду я возненавидел сестру.

— Я мужчина! Мне пятнадцать лет! Как ты можешь называть меня ребенком, когда я стал лучшим пилотом планера в Японии! Разве ты непонимаешь, Томика, что я удостоился чести быть выбранным самым императором?

— Да, — тихо ответила она. — Я это знаю. Ты даже умрешь за императора!

Тут мы оба заплакали.

Через несколько мгновений я вырвался из объятий сестры и бросился в ванную к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, а затем взглянул на себя в зеркало. Раскрасневшееся несчастное лицо. В ужасе я еще раз умылся холодной водой и насухо вытерся полотенцем.

Смущенный, но уверенный в себе, насколько это было возможно, я вернулся в комнату, где сидели мой отец и капитан, улыбнулся и поклонился, лихорадочно пытаюсь понять, заметили ли они проявление моей слабости. Оба молча посмотрели на меня. На секунду я заколебался, и капитан приподнял бровь.

Я отчаянно боролся с собой, словно стоял на краю пропасти, окруженный врагами, и понимал, что выбор невелик – либо прыгнуть в бездну самому, либо меня сейчас туда толкнут.

Толкнул меня мой отец:

– Ну что, сын?

Поклонившись капитану, я с трудом выговорил:

– Это для меня огромная честь, господин. Я с гордостью и уважением к нашему императору приму ваше великодушное предложение.

– Хорошо, – просто ответил наш гость, достал бланки, которые заполняли добровольцы, и протянул нам, чтобы мы их прочитали. Слова расплывались у меня перед глазами, и я даже не понимал их смысла.

– Кувахара-сан, – обратился капитан к моему отцу, – будьте любезны, распишитесь здесь. А ваш сын распишется вот тут.

– Пусть будет так, – пробормотал в ответ папа и стал внимательно читать документы, затем указал тонким загорелым пальцем на один из них и процедил сквозь зубы: – Авиационная база Хиро?

– Да. – Капитан Миками улыбнулся, и оба посмотрели на меня, чтобы увидеть мою реакцию.

Да, я был доволен. И вообще я вдруг почувствовал себя гораздо лучше. Хиро находилась меньше чем в пятидесяти милях от нашего города.

Отец встал, взял свою особенную факсимильную деревянную печать, прижал ее к чернильной подушечке, а потом к документу. Вот и все. Несмываемый оранжевый овал с надписью «Кувахара» навсегда остался на бумаге. Затем я тоже подписал документ, и все формальности были соблюдены.

Капитан Миками собрался уходить, и мы проводили его до двери.

– Ты принял мудрое решение, – заявил он мне.

Мы поклонились друг другу, попрощались, и гость медленно исчез в ночи.

Когда он ушел, моя служба в ВВС стала почему-то казаться менее реальной. До отъезда оставалось целых три месяца... Огромный срок. Мы с отцом еще немного поговорили. Когда-то он дослужился в армии до лейтенанта и сейчас стал вспоминать свой славный военный опыт.

Один из моих братьев, Сигэру, служил в контрразведке на острове Ява, а другой, Тосифуми, работал дантистом в Токио. Его еще не призывали в армию.

– Хорошо иметь достойных сыновей, которые защищают родину и свою семью, – сказал папа. – А ты, Ясуо, добьешься величайшей славы.

Мы сидели у окна и смотрели в небо. Рука отца легла на мое плечо. В вышине, мигая красными и зелеными огоньками, пролетел транспортный самолет. Из-за чередования цветов казалось, что двигался он не очень ровно. Мы наблюдали за ним и прислушивались к затихающему гулу двигателей,

пока он не растаял вдали.

– Может, через несколько месяцев ты уже будешь летать на бомбардировщике «суйсэй».

– Больше всего мне хотелось бы стать летчиком-истребителем, – ответил я.

– Ага! Так я и думал! Да... да, это было бы здорово, – согласился папа. – Так было бы лучше всего. Есть что-то особенное в летчике-истребителе. Он настоящий самурай. Самолет – это его меч. Он становится его душой. Истребитель может работать с остальными, как член команды, но и прекрасно умеет сражаться в одиночку. – Отец сделал паузу. – Да, я уверен, ты должен стать истребителем, Ясуо. Истребитель может сделать для императора больше, чем тысяча солдат. Своей смелостью он может добиться огромной славы. Может быть, даже самой большой среди всех военных. А ты, сын мой Ясуо, смелый человек. – Отец сжал мое плечо, и я почувствовал на себе его взгляд.

– Надеюсь, папа.

– Ты смелый человек, сын! – Он еще крепче сжал мое плечо. – Род Кувахара всегда был отважным. Ни у кого нет более благородных предков.

– Это так, – подтвердил я и несколько секунд смотрел на профиль отца: слегка вздернутый твердый подбородок, загигавшийся книзу нос и светящиеся глаза. Казалось, они поглощали свет неба.

– Ты защитишь свой дом и страну, увидишь день, когда

вражеские силы отступят, уплывут в Тихий океан. Ты заставишь их сделать это. А может, ты станешь человеком, который покорит Америку. Сила империи нахлынет, как штормовые волны на берег.

– На это могут уйти месяцы, – неуверенно пробормотал я. – У Запада большая армия и сильный флот, много самолетов. Разве не так?

– Так, – признал отец. – Это правда. В один день победы не добьешься. Но запомни, Ясуо, материальное всегда вторично. В расчет идет только решимость духа. И учти тысячи взятых нами в плен американцев... тысячи!

Поднявшись, он тихо постучал пальцами по моему плечу и очень доверительно спросил:

– А сколько наших сдались американцам?

Как я был горд, беседуя с отцом на такие серьезные темы почти на равных!

– Очень мало.

– Какая-то горстка. Понимаешь? Американцы теряют нескольких людей и уже пугаются. Они готовы сдаться. Наши лагеря для военнопленных полны трусливыми американцами. Конечно, попадают среди них и отважные люди. Глупо недооценивать противника... Но давай посмотрим на это так, Ясуо. Допустим, сотня американских пехотинцев окажется против наших превосходящих сил на маленьком острове. Сколько американцев нужно убить, чтобы остальные сдались? Сколько?

– Не больше десятка, я думаю.

Отец слегка покачал головой:

– Нет, все-таки больше десятка. Двадцать пять или тридцать. А допустим противоположную ситуацию. Сколько наших нужно положить, чтобы сдались остальные?

– Они никогда не сдадутся!

– Вот видишь? За редким исключением японцев берут в плен только серьезно ранеными или без сознания от большой потери крови. Дело тут не в физической силе и вооружении. Дело в смелости и решимости... в силе духа! Поэтому Япония обязательно победит. Ты понимаешь меня, сын?

– Да, папа.

Глава 3

Долгие зимние дни

На следующий день в школе я рассказал друзьям о той чести, которой удостоился, и снова стал важной персоной. Во время обеда у меня почти не было времени достать из коробочки суси и перекусить. Одноклассники обступили меня и стали задавать бесконечные вопросы.

– Он приехал прямо к вам домой? – спросил кто-то.

– Да, – ответил я. – Капитан пробыл у нас несколько часов и даже обедал с нами.

Кэнжи Фуруно, один из лучших планеристов, обстреливал меня одним вопросом за другим:

– Он приехал и прямо спросил тебя? Что он делал? Он сказал, что от тебя будет требоваться?

– Конечно, он спросил меня, – ответил я. – Естественно, мы с отцом все обстоятельно обсудили.

– Ну и что капитан сказал? – настаивал Кэнжи. – Он так и спросил: «Не будешь ли ты любезен оказать честь имперским военно-воздушным силам и вступить в их ряды?»

Несколько учеников натянуто рассмеялись.

Я оставался серьезным. Кэнжи по иерархии вдруг оказался ниже меня. И остальные ученики тоже.

– Капитан Миками сказал только, что я выбран на службу его императорского величества.

– Он даже не дал тебе времени подумать? – спросил один из младших ребят. – Ни одного дня?

Почти неосознанно я посмотрел на него так, как вчера вечером посмотрел на меня капитан. Улыбка исчезла с лица паренька.

– Разве в таких случаях надо думать?

– Да... Наверное, нет. – Парень запнулся.

Тацуно ел абсолютно молча и слушал нас. И казалось, его обуревали мысли, больше свойственные взрослому человеку, чем старшекласснику.

– Не думаю, что кто-то откажется от такой чести, – произнес он. – Сомневаюсь даже, что кто-то на это осмелится. Сам я больше всего на свете хочу стать летчиком, как мой брат. В то же время, когда думаешь об этом... Ведь Ясуо уезжает. Да... и никто не знает, вернется ли он когда-нибудь.

– Это правда, – согласился я и крепко сжал губы.

Какое-то время все молчали, глядя себе под ноги или в окно. Пришло время дневного урока.

Я провел его в полузабытии, словно каким-то образом на время покинул этот мир. Старый учитель Танака-сэнсэй, одноклассники... даже парты, книги и темные стены – все казалось другим. Я смотрел и слушал с абсолютной беспристрастностью. Где-то за окнами в белом небе летел самолет. Гул его моторов был едва различим. Временами он казался просто эхом, но по всему моему телу пробежала дрожь.

На тренировке по планерному спорту я работал с огром-

ным старанием, выполнял каждое действие идеально. Просто я вдруг решил, что теперь никогда не допущу ни одной даже малейшей ошибки в полете на планере. Это стремление к совершенству впоследствии укрепилось еще и из-за того, что через несколько месяцев я должен был с таким же рвением приступить к обучению полетам на настоящем самолете. Я должен был стать прекрасным летчиком. Я должен был сбить тысячу вражеских машин. И должно было наступить время, когда имя Кувахара прославилось бы на всю Японию. В день рождения императора меня должны были выбрать, чтобы показать мастерство высшего пилотажа в небе над Токио, а публика зачарованно смотрела бы на меня. Затем меня провезут над поросшим зеленой травой рвом по деревянному мосту. Я буду смотреть сверху на прудики, белоснежных лебедей и огромных апатичных карпов, а потом войду во дворец императора, где его величество лично наградит меня орденом Кинси, самым желанным знаком отличия после ордена Золотого сокола.

В тот вечер я вернулся домой в мечтах о славе. Мы шагали по грязной дороге и некоторое время молчали, с удовольствием прислушиваясь к стуку своих деревянных сандалий. В конце концов Тацуно, угадав мои мысли, заметил:

– Знаешь, Ясуо, если бы ты не был моим лучшим другом, я бы стал тебе завидовать.

После короткого раздумья я ответил:

– Тацуно-кун, я отдал бы все на свете за то, чтобы поехать

вместе с тобой. – Я хлопнул его по узкому плечу. – Поверь мне, Тацуно. Все на свете отдал бы.

Мой друг обнял меня, и мы зашагали дальше.

– Знаешь, очень возможно, что ты... – Я запнулся. – Ну, я хочу сказать, что не удивлюсь, если ты скоро получишь такой же шанс.

Но Тацуно покачал головой:

– О, это вряд ли. Я сомневаюсь. Ведь подумай, кто ты! Чемпион страны!

– Это ничего не доказывает. – Я пожал плечами. – Ты сам хороший пилот. Дошел до финала. Кроме того, в армии будет не так много летчиков, если туда станут призывать по одному чемпиону в год, правда ведь?

Тацуно молчал.

– Правда? – настаивал я и начал трясти приятеля, чтобы вывести его из равновесия.

Он не отвечал, но уже начал улыбаться.

– Правда? – Резким движением я надвинул длинный козырек его школьной шапочки ему на глаза.

– Правда!

Это сработало. Тацуно рассмеялся и схватил мою шапку. Мы с хохотом побежали дальше, то и дело толкая друг друга. Наши деревянные сандалии громко стучали по брусчатой мостовой.

Потом мы попрощались, и я пошел к себе домой. Мама сидела, склонившись над книгой. Это была пугающая сцена,

потому что она редко читала. Я нерешительно поздоровался с ней.

– Привет, Ясуо, – ответила мама.

– Папы еще нет?

– Нет, – быстро ответила она.

– Он на работе?

– Нет. Наверное, он вообще сегодня не придет.

Тогда я все понял. Это всегда было для нее тяжело, даже после стольких лет. Руками со вздутыми венами мама закрыла книгу и посмотрела на обложку. «Повесть о Гэндзи».

– Твоя бабушка подарила мне эту книгу, когда я была еще маленькой девочкой. И я до сих пор помню почти всю ее наизусть.

– Да, да, это хорошая книга, – сказал я, сел рядом с мамой, решив коснуться той самой тяжелой темы. – Никто и никогда не сможет занять твое место. Ты же знаешь, как папа любит тебя, правда, мам?

– Да, – ответила она, покачав головой. – Твой папа любит меня. Просто... просто я уже не так молода. Не такая, как его Кимико, Тосико и все остальные. – Мама уныло улыбнулась. – Было время, когда твой папа не смотрел на других женщин. Он был далеко не единственным, кто считал меня красивой.

– Ты и сейчас красивая! Ты самая красивая женщина на свете!

Слегка покраснев, мама ответила:

– Я-то думала, что Ясуо уже совсем взрослый... а он говорит такие глупости. – Она поцеловала меня в щеку. – Конечно, твой папа любит меня. Он завтра вернется. И мои дети любят меня. Это моя самая великая радость.

В такой момент больше нечего было сказать. Японский мужчина имел право заводить себе столько любовниц, сколько мог содержать. Гейши не проститутки, отец посещал одну из них регулярно. Я узнал это от моих старших братьев. Она была его женой вне дома.

Японки сильно отличаются от западных женщин. Прежде всего, они обычно оказывают большее почтение к противоположному полу. Хотя уже не с таким подобоострастием, но даже в наши дни японки редко противоречат своим мужчинам. Они занимают место подчиненной стороны, признавая мужа хозяином, принимающим решения. Подчинение – одна из наиболее важных женских черт. Так думают мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.